

тии событий, вероятно, мы должны будем говорить уже совсем не о том *государстве*, какое привыкли себе представлять. До сих пор так или иначе связанное с гражданской нацией, черпающее из нее свою власть и легитимность, *современное государство* (государство эпохи модерна) может трансформироваться в государство как безличный *автомат контроля par excellence*. Конец модели правового государства (даже в наиболее узком его понимании¹) и неочевидность бенефициаров новой правовой политики на национальном уровне заставляют задаться вопросами: в чьих интересах, для кого? Не станет ли усиление полицейской, контрольно-надзорной составляющей государственности этапом в утрате народами своей субъектности, своего суверенитета, возможности оказывать влияние на принятие публично значимых решений? Не окажется ли силовой аппарат, прежде всего — сотрудники полиции, в положении слепого орудия достижения неопределенных целей, на которое к тому же в любой момент можно возложить ответственность за управленческие неудачи и непопулярные административные меры?

В любом случае, события не предопределены. Наблюдаемые сегодня кризисные тенденции имеют различные варианты развития, но, безусловно, всякий кризис имеет свое разрешение, к лучшему или к худшему. Понимание этих тенденций и готовность к новым вызовам необходимы правоохранительным органам уже сейчас: периоды нестабильности опасны резкими социальными взрывами, попытками перехватить власть, подорвать существующий правопорядок. Нужно, впрочем, осознавать, что подрыв правопорядка в его основах (правовое государство, режим народовластия, права и свободы личности) может происходить латентно, не обязательно по воле каких-либо экстремистских групп, но в соответствии с политическими решениями, законодательными и правоприменительными актами легальных институтов.

Собко Руслан Васильевич

Ruslan V. Sobco

кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и философии Нижегородской духовной семинарии

Понятие *Deep State* в контексте масонской антропологии

The concept of *Deep State* in the context of Masonic anthropology

Теории заговора в ряде современных исследований рассматриваются несколько однобоко. Так, если само понятие «теория заговора» достаточно исследовано и сами теории разобраны по типам и истории возникновения, то их влияние на современную жизнь часть исследователей представляют исключительно внутри маргинальных сообществ. Между тем их влияние на современный социум многократно усилилось благодаря интернету².

Так, например, Майкл Вуд утверждает, что интернет не только то место, где эти теории зарождаются, но и такое место, где они получают некоторый онтологический статус, то есть, может быть, тех явлений, которые описываются внутри этих теорий, и не существует, но они сами существуют внутри виртуального мира идей³. На подобных же основаниях в этом полуреальном мире идей существует реклама, современный кинематограф и даже политика⁴. Они не столько отражение реально существующих вещей, сколько виртуальные симулякры, которыми человек подменяет свое реальное окружение, или, точнее, сейчас за него это уже делает современный искусственный интеллект, использующий *big data*⁵.

¹ О так называемых «узких», или «тонких» (thin) подходах к пониманию правового государства и верховенства права см.: Tamanaha B. *On the Rule of Law: History, Politics, Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 92.

² Clarke, Steve (2007). *Conspiracy Theories and the Internet — Controlled Demolition and Arrested Development*. *Episteme* 4(2), 167—180.

³ Wood, Michael J. & Karen M. Douglas (2013). "What about building 7?" A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories. *Frontiers in Psychology*, July 2013. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00409>.

⁴ Dentith M. R. X. (2014). *Some Problems with a General Definition*. In: *The Philosophy of Conspiracy Theories*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/9781137363169_4.

⁵ См.: Собко Р. В. *Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива* // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 1 (53). С. 308—311.

Такой постулат сам по себе выглядит как своего рода «теория», однако в данном случае здесь нет ничего таинственного — это своеобразная техническая проблема: человек попадает в информационный пузырь. YouTube или Facebook показывает пользователю, как правило, то, чем он интересуется или мог бы заинтересоваться с точки зрения алгоритма. Подобный подход порождает определенные проблемы, в том числе и в образовательной среде: при сверхдоступности информации учащиеся иногда в крайней степени не эрудированы, поскольку существуют исключительно внутри своеобразной минивселенной — информационной ниши, за пределы которой они, как правило, не выходят. В настоящее время рядом ведущих IT-корпораций создаются улучшенные алгоритмы с тем, чтобы пользователь получал не только ту информацию, которую он «хочет»¹.

По мере того как Интернет превратился в главное средство получения информации, идеи, которые в прошлом стали бы уделом небольшой аудитории или предметом кухонных разговоров, сегодня достигают большей аудитории. В связи с чем, по мнению ряда исследователей, некогда второстепенные идеи со временем переходят в разряд основных. Фактически (несмотря на отсутствие технических средств) мы уже достигли уровня дополненной реальности, где синергическая связь онлайн — офлайн уже описывается как социальный факт².

Показательно, что современные информационные технологии предполагают не простое потребление информации, а связанное с ним особенное поведение, которое называют онлайн-активизмом.

Применительно к индивидуумам из группы онлайн-активистов применяется также термин эрготическое мышление (латинского *ergo* — следовательно, потому что)³. Этим понятием описывается некритическая форма мышления, основанная на заранее известном постулате, не подлежащем критическому исследованию. (Вспомним недавнее — «Не рефлекслируйте, распространяйте!»⁴). Сами же подобные сообщества уже давно описываются в англоязычной литературе как *a knowledge activism community* — вид социального активизма, основанного на (пред)знании.

Поскольку в данном случае мы имеем перед собой ряд индивидуумов, выполняющих социальные действия в сети анонимно, под псевдонимом или с использованием аватаров, мы не можем достоверно определить идентичность участников или использовать для них определенные демографические и социологические маркеры, такие как пол, возраст или даже национальность и место жительства.

С другой стороны, эти маркеры почти не важны и для самих онлайн-активистов, поскольку они адепты знания и действия, а место приложения их усилий — виртуальное умозрительное «государство», расположенное в интернете и СМИ. Таким образом, возникают общины, коллективная работа которых порождает значительные социальные эффекты.

К подобным интернет-общинам вполне применим термин «цифровая нация», или «цифровое государство». В небольшом поселении этого цифрового государства или даже на всей его территории какими цифровыми гражданами используется определенный маркированный словарный запас, а также определенный круг тем, вокруг которых граждане цифрового государства мобилизуются; наличие определенных противников заставляет их действовать. Внутри таких сообществ обычно существует четкая иерархия, выраженная с помощью определенных средств в социальных сетях.

Рядовой состав подобного интернет-государства составляют пользователи, которых называют «анонимы» (они при этом могут иметь в профиле реальные данные), далее идут «спикеры» и, наконец, во главе цифрового государства находится определенный протестный лидер: в США это в рассматриваемом нами примере, как ни странно, является Дональд Трамп, а в Российской Федерации ярким примером может являться Алексей Навальный.

Причем в данном случае для онлайн-активизма необходим не сам живой человек, хотя он и является бенефициаром подобного движения, а его виртуальная копия — цифровая икона: набор текстов, видео и других цифровых маркеров.

¹ См.: Париков О. В., Собко Р. В. Динамика цифрового образования и связанные с ним глобальные проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 226—229.

² Blommaert, J. & Piia Varis (2015). Enoughness, accent and light communities: Essays on contemporary identities. Tilburg Papers of Culture Studies, Paper 139: 1—72.

³ Dijck, J., Poell, T., & Waal, M. (2018). The platform society: Public values in a connective world.

⁴ Вы не рефлекслируйте, а распространяйте: электронный ресурс // Взгляд. URL: <https://vz.ru/opinions/2015/6/1/748053.html> (дата обращения: 26.05.2021).

Интересна также и терминология, использованная в интернет-спорах вокруг Дональда Трампа. Целью интернет-дискуссий должно было стать «Великое пробуждение» или «компания по поиску и раскрытию правдивой информации»¹. Сам Дональд Трамп применял к своим противникам термин *fake news*, однако с точки зрения нашего исследования фейковыми отчасти были доводы или информация обеих сторон конфликта, фейковыми в значении принадлежности их к виртуальной реальности и эрготическом типе восприятия информации.

Характерной чертой как выборной кампании, так и цифрового сопротивления стало выявление и разоблачение как внутренних, так и внешних врагов. Причем, как и в случаях, связанных с меньшинствами, «врагами нации» назначались спикеры по ряду тех или иных виртуальных признаков.

Клеймление и борьба с врагами народа происходят вне правового поля через увольнение с работы или отказ от контрактных обязательств. Как в обычных случаях, так и в случаях с Дональдом Трампом это всегда подается как реакция частных лиц или частных компаний, в связи с чем можно утверждать, что для цифрового глубинного государства не характерна централизация — акторами в нем выступают отдельные индивидуумы или цифровые общины — а единство достигается через общие виртуальные маркеры и общие «информационные действия».

Похожим образом действуют иногда транснациональные корпорации, что дает приверженцам теорий заговора повод объявить именно их теневым мировым правительством, однако такое объяснение в цифровую эпоху уже недостаточно². Так, Дональд Трамп выиграл выборы, обратившись (по мнению его критиков) к маргинальным, антикорпоративным сообществам, а термин — глубинное государство — использовали по отношению друг к другу обе стороны³.

Глубинное государство как политическую информационную технологию вполне успешно использует, к примеру, правительство КНР, сподвигая те или иные интернет-сообщества к онлайн-акционизму⁴. Или в недавнем случае с H&M и Nike Китай уничтожил именно цифровые следы этих компаний, при этом не вступив с ними в юридическую борьбу⁵.

Чтобы понять принцип действия цифрового глубинного государства, нам нужно вернуться к старому этнометодологическому принципу: люди разумны всякий раз, когда они пытаются осмыслить социальную жизнь. В данном контексте «разумный» не следует путать с «рациональным». «Рациональный» значит ориентированный только на факты и доказательства. «Разумность», напротив, заключается в построении правдоподобных постулатов, логически (умозрительно) непротиворечиво объясняющих реальный мир. Таким образом, рациональное мышление — это всего лишь один конкретный (и специализированный) способ быть разумным⁶.

Интересно, что разумность может быть реализована не только через утверждение, но и через отрицание. Можно быть разумным, дисквалифицируя оппонента и отрицая описанным выше эрготическим методом («потому что») его высказывания. В этом смысле цифровое глубинное государство использует как онтологию (бытие), так и ми-онтологию (небытие), порождая феноменологические симулякры или, напротив, стирая их и их носителей из дополненной реальности.

Следующим необходимым условием функционирования глубинного государства является наличие противоборствующей силы, антагонистов, если взять религиозную аналогию антихриста или всадников апокалипсиса. Для поклонников Дональда Трампа это так называемая «Кабала», состоящая, во-первых, из Хилари Клинтон, во-вторых — Барака Обамы. Третий участник — предприниматель-миллиардер Джордж Сорос, четвертый — средства массовой информации, рассматриваемые как публичные каналы Кабалы⁷.

Деятели «Кабалы» (или их аналоги) — необходимое условие функционирования цифровых технологий глубинного государства: ведь борьба в нем ведется не за правду (рациональную), а за истину (on) против не-истины (mi-on). Они же (антагонисты) или, точнее, их виртуальная икона —

¹ Olivia Rubin, Lucien Bruggeman & Matthew Mosk (November 19, 2020). «Dominion employees latest to face threats, harassment in wake of Trump conspiracy». ABC News.

² См.: Lofgren, M. (2016). *The Deep State: The Fall of the Constitution and the Rise of a Shadow Government*. Viking.

³ Michaels, Jon D. (March 2018). «The American Deep State». *Notre Dame Law Review*. 93 (4): 1653—1670.

⁴ Китай объявил бойкот сразу нескольким западным компаниям // Взгляд: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iIDSpj9qCx8> (дата обращения: 26.05.2021).

⁵ H&M и Nike поссорил с Китаем синьцзянский вопрос // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4743107> (дата обращения: 26.05.2021).

⁶ Harold Garfinkel, (1967), «*Studies in Ethnomethodology*», Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall.

⁷ Michaels, Jon D. (March 2018). «The American Deep State». *Notre Dame Law Review*. 93 (4): 1653—1670.

точка приложения усилий интернет-акционизма: нельзя же направлять воздействие на информацию, а на симулякр конкретного человека вполне можно.

Если существуют «демоны», то должны быть и «ангелы». «Мы мобилизуем самых лучших и ярких» для противостояния Трампу (воскликнули его оппоненты)¹.

Кто же эти лучшие? Прежде всего, деятели искусства — актеры, певцы, музыканты, затем — видные общественные деятели. Почему именно они? Для ответа на этот вопрос прибегнем к концепции мистика-визионера XII века Иоахима Флорского. Этот мыслитель разработал концепцию новой эпохи — эры Святого Духа, в рамках которой деконструкции подвергнется не только государство, но и церковь, а известным ему мировым сообществом станут управлять специальные *virī spirituales* — духовные мужи. Само же общество или общества будут трехсоставны: низший слой будут представлять люди материальной культуры, их в свою очередь станут наставлять люди «Слова», а теми будут управлять духовные люди, которые уже не нуждаются в письменных библейских источниках².

Концепцию Иоахима Флорского последовательно развили сначала Тамплиеры, затем масоны, а затем и протестанты. С этой точки зрения деятели искусства — наиболее ярко выраженные носители «духа» — таланта или христианской харизмы. Показательны так же термины «элита» и «интеллигенция». Элита — дословно «избранные», а интеллигенция — «просветители», то есть, если взять за аналогию термины эпохи просвещения, — масоны и иллюминаты. Русско-советский термин «интеллигенция» особенно интересен, так как описывает не эрудитов-интеллектуалов (как в тех языках, из которых он взят), а именно деятелей искусства, науки или общественных деятелей, несомненно, выдающихся в своей области, но некомпетентных в той сфере, в которую они призваны как интеллигенты.

Завершить наше исследование можно следующими выводами: глубинное государство функционирует как кодификация дискурсивных свойств или хронотопических условий, которые организуют и ратифицируют процессы смыслообразования. Мы не наблюдаем, указывают исследователи³, случайного скопления людей, введенных в заблуждение ложными впечатлениями и фальшивым фактами: мы видим регламентированное сообщество, коллективно выполняющее набор четко определенных и специализированных жанровых действий с массовым алгоритмически опосредованным распространением сообщений, оказывающих значительное влияние на общественное мнение путем систематического (и разумного) вытеснения и переосмысления того, что широко признано истиной.

Треушников Илья Анатольевич

Ilya A. Treushnikov

доктор философских наук, доцент, начальник
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

Поиск правового смысла

Search for legal meaning

Тема, рассматриваемая в рамках сегодняшнего круглого стола, представляется чрезвычайно интересной и актуальной. О кризисе классической государственности и права говорят достаточно давно, предвещая прогрессирование дисфункций публично-властной сферы, рост влияния транснациональных корпораций, подчиняющих себе или замещающих собой структуры государства, размывание правовых основ организации общества на всех уровнях. Эти процессы действительно находят подтверждение и не могут не вызывать беспокойство. Автор рассматриваемой моногра-

¹ Levine, M. (May 30, 2020). “No Blame?” ABC News finds 54 cases invoking “Trump” in connection with violence, threats, alleged assaults”. ABC News. Retrieved February 4, 2021.

² Париков О. В., Собко Р. В. Концепция духовной мудрости Иоахима Флорского и ее связь с русской христианской гносеологией // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 2. С. 160—170. DOI 10.5840/dspl20181225.

³ Maly, Ico (2018). The global New Right and the Flemish identitarian movement. Schild & Vrienden Acase study. Tilburg Papers of Culture Studies, Paper 220: 1—27; Schaffner, Brian F.; Macwilliams, M.; Nteta, Tatishe (March 2018). “Understanding White Polarization in the 2016 Vote for President: The Sobering Role of Racism and Sexism”. Political Science Quarterly. 133 (1): 9—34. Doi:10.1002/polq.12737.